

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №12 ГАЗЕТА

Фронт рядом / Современная проза

ЕВСЮКОВ Александр Владимирович

Родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Выпускник Литинститута. Успел попробовать себя в целом ряде разнообразных профессий, в том числе: археологом, сотрудником ГБР, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и т.д. Участник и руководитель труднических экспедиций на остров Анзер Соловецкого архипелага (2015–2017).

Публикации прозы и критики в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник», «Роман-газета», «День и ночь», «Нева», «HomoLegens» и др.; сборниках прозы «Крымский сборник. Путешествие в память», «Крым. Я люблю тебя»; газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Учительская газета». Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский и польский языки.

Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016); победитель (3 место) премии «В поисках Правды и Справедливости» (2018); российско-болгарского литературного конкурса прозаиков и переводчиков, посвящённого 140-летию начала русско-турецкой освободительной войны (2017); Первого международного литературного тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018). Обладатель диплома и золотого диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинациях «Проза» и «Славянское литературоведение» (2018);

В 2017 году вышла первая книга рассказов «Контур легенды».

МАР Аркадий Маркович

Родился 22 декабря 1949 года в г. Ташкенте, Узбекская ССР. Окончил фортепианный факультет Ташкентской Консерватории.

Пятнадцать лет проработал преподавателем специального фортепиано в Республиканском музыкально-художественном интернате для одаренных детей.

Автор 14 книг, вышедших в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада).

Член СП СССР, России, Москвы. Член Международного Пен Клуба. Лауреат советских и российских литературных премий. Главный редактор газеты «Русская-зычная Америка», Нью Йорк.

Читайте в ближайших номерах «Роман-газеты»

«В твоих ладонях» — женская проза России. Рассказы и повести талантливых современных писательниц о любви, семье, одиночестве и поисках счастья.

Алексей Федотов — «Свет во тьме». Роман о противоречивых и сложных процессах, происходивших во внутрицерковной жизни в СССР в 1968–1991 годах. Главный герой — молодой православный священник становится «объектом интереса» всемогущего в те годы КГБ.

Александр Кердан — «Роман с фамилией». Историческое повествование о героях носящих фамилию автора из разных временных эпох: Древнего Рима, Крестовых походов, сегодняшней России.

До конца года будут опубликованы новые произведения: **Александра Проханова, Юрия Полякова, Татьяны Успенской, Михаила Тарковского, Андрея Антипина, Светланы Замлеловой, Виктора Лихоносова, Бориса Екимова**, воспоминания **Анны Достоевской (Сниткиной)** «Я помню его таким».

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «РОМАН-ГАЗЕТУ»!

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белюкин
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**

Елена Русакова
Права

на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №12 /1857/ Основана в 1927 г.

Фронт рядом

Современная проза

Александр Евсюков

КАРАИМ

Цикл рассказов

День палача

Стук в дребезжащее стекло раскатился по затихшему дому. Кошка метнулась в испуге. К окнам подступил туман, густой и неподвижный. Жена? Нет, рано... Дождавшись следующего стука, Виктор встал и, на ходу потирая виски, пересек комнату и вышел в сенцы, раздраженно ускоряя шаг. Откинул крючок и дернул дверь на себя. Ранний гость потянулся было к стеклу в третий раз, но тут же убрал руку.

— Чего надо?.. Опять? — хриплым, клокочущим со сна голосом спросил Виктор, признав в явившемся из тумана нового соседа, Тимофея.

— Сделай. Денег дам, — уткнувшись взглядом под ноги, простонал сосед.

Виктор без разговора шагнул к нему, но тут вдруг качнуло так, что пришлось опереться о косяк.

— Проставлюсь без разговоров, готово уже, — заметив, каково ему, подлил масла сосед.

Виктор постоял, дыша туманом. За эту неделю сосед кружил и домогался его помощи уже трижды: подстерег за починкой забора, вынырнул на автобусной остановке, а сейчас вот и домой приперся спозаранок.

Протяжный вой безнадежным призывом донесся до них.

— Вон — слышишь?..

Тимофей с семьей въехал в дом тестя в прошлом месяце. Надломленный болезнями, Иван Самсоныч уже не ходил. Дом был отписан дочери много раньше. За ночь после смерти покойник посинел и раздулся. Виктор с другими нес перемеренный широченный гроб по разбитому асфальту и склизкому суглинку. От самого дома лил обложной дождь.

После похорон Тимофей с напором принялся за починку забора, запущенный огород и покосившиеся строения. Он успевал повсюду. Временами закуривая, как будто прикидывал, насколько дом и участок росли в цене с каждым днем.

Но на самом видном месте новых владений оставался тот, с кем договориться никак не получалось. Пока хозяин был жив, Буран, только хмуро оглядев, пропускал и деловитых докторов, и суетливую родню. Теперь же выл, обратив морду к кладбищу, даже в безлунные ночи. Не брал еды. А при каждой попытке приблизиться к нему рвался с бешеным хрипом. И тяжеленная кованая цепь, намертво вбитая железнодорожными костылями в сваю, казалась тогда тонкой истертой бечевой. Хозяина больше не было. Никого другого он не признавал.

Это должно было пройти. Но никак не проходило. Все запомнили, как сгружали мебель и что чуть не стало тогда с Жигитом. За те несколько лет, что тот прожил в поселке, его чудного киргизского имени полностью никто здесь выговорить не мог. Даже на спор. Он смешно коверкал слова в нехитрых прибаутках и поначалу был самым говорливым из нанятых грузчиков. Но стоило ему, занятому увесистой ношей, сделать всего один неловкий шаг вбок, как нахоженную тропу будто выдернули из-под ноги. Шкаф, хлопнув всеми дверками, с треском повалился. Лежа за ним в канаве, оторопевший грузчик наблюдал, как казавшийся крепким коззам его ботинка раздирался в клочья рывками свирепой мохнатой башки. Под его запоздалые безутешные вопли Тимофею пришлось доплатить — на новую пару обуви.

— Я за ребенка боюсь. Ну, и вообще — прохода нет... — признался Тимофей.

— Сам чего не делаешь?

— С оружием не дружу. Пацаном еще ствол в руках взорвался, палец пришивали потом... — и показал на стыке с ладонью что-то похожее на шов.

У соседа нашлись сигареты. Они молча высмолили по одной.

— Я подумаю, — не глядя, сказал Виктор.

Туман ушел вниз и лохмотьями висел над тинистым ручьем. Виктор успел продрогнуть в «семейниках». Толкнув дверь, вернулся в дом. Там, спасая хвост из-под тяжелой хозяйской ноги, отскочила в сторону кошка.

* * *

День становился жарким. Виктор полил завязи капусты, выкосил бурьян на лужайке, срубил сухие сучья с груши.

Вой и лай весь день. Буран заставил себя уважать с тех пор, как появился и подрос. Огромный, широкогрудый и пружинистый — как не заглядеться издалека! Таким, наверно, был в молодости и сам Иван Самсоныч, последний год с одышкой выходивший потрепать любимца за ухом.

Виктору вдруг жгуче захотелось спросить у кого-нибудь совета, но жена еще не вернулась от родни. Двинулся было к остановке с телефонным аппаратом, но цифры в голове путались, и стало понятно, что номера ему не вспомнить.

Он заметил приземистую кривоногую фигуру, шедшую навстречу. Похож на Жигита. Ни встре-

чаться, ни заговаривать с ним Виктору точно не хотелось.

Завернул в соседский двор. Буран поднялся: он, казалось, хотел разрешить последние сомнения. С хрипом рванул с цепи. Он не признал Виктора, как не признавал никого из живых.

— Давай ствол...

Тимофей скрылся и тут же вынес ему ружье на вытянутых руках.

Виктор принял его, примерился и, еще не обернувшись, ощутил тишину: рев за спиной стих.

— Заряжено?..

Тимофей кивнул. Но, помня про оторванный палец, Виктор засомневался — не лучше ли перезарядить самому? Однако ствол был начищен почти до блеска, без единой ржавчины. Заводской заряд безупречно сидел в патроннике.

Огляделся. Та же приземистая фигура почудилась ему сквозь забор.

Он подошел ближе: Буран лежал на пороге конуры. Косой луч сквозь крону липы высветил висок и ухо.

Проще было некуда. Виктор замер, сверяя прицел. Буран поглядел и снова положил голову на лапы. Давай!.. Струйка пота скользнула к подбородку. Но он будто ждал еще чего-то. Зачем, Буран? Почему я?.. Палец затекшей руки дернулся. Грохнул выстрел. Стрелка обдало горячей волной. Тело собаки приподнялось, беззвучно содрогнулось и упало рядом с конурой.

Виктор опустил ружье и зашагал к дому.

* * *

Денег он не взял, только водку и сказал так, что удивился своим словам:

— Закопай по-человечески.

Тимофей было опешил, потом кивнул в ответ и помчался за лопатой.

— Эй, Иванна! — отчего-то по отчеству позвал он супругу.

Кровь застыла бурой лужицей. Положив тяжелое, начавшее деревенеть тело на прогнувшийся лист железа, они с женой дотащили его до угла сада. Чуть в стороне от перевившихся узлами березовых и яблоневых корней, Тимофей срыл дерн и подготовил яму по пояс.

Их сыниска, взгромоздившись на подоконник, выглядывал в сад из-под скошенной занавески.

Жена Тимофея огляделась. Страх ушел. Появились усталость и тоска. Ее муж азартно закидывал яму бурыми комьями. Потом утрамбовал землю лопатой и, торжествуя, подпрыгнул над могилой.

— Хватит, — прошептала она, подумав, что только сейчас вдруг хорошо поняла Бурана.

* * *

Поселок будто вымер. За крытым прожженной клеенкой столом сидел Жигит и перебирал двухцилиндровый движок. Узнав Виктора, он угодливо приподнялся.

— Видел? — спросил Виктор.

— Видал, все видал, малаца ты, — похвалил азиат. — Знаишь, как нада, одним разом зверя положил.

Жигит убрал движок в сторону и встряхнул клеенку:

— Собачий мяс хороший. Меня много разов он выручал. Бывала, захочишь — чуть прикорми. Подозвал, шею приладил. Нож наготове. Бывала, быстрей, чем с бараном управлялся. А у Тимы спрашивал — не отдам, говорит... Эх!

— Ты мусульманин. Тебе нельзя, — решил вдруг Виктор, спрятав показавшееся горлышко бутылки обратно за пазуху. Лицо Жигита осунулось и посерело. Его губа изумленно отвисла, но никакого ответа Виктор не услышал.

Он сел один под навесом возле дома. Влил в себя стакан, водка не брала. Катал в ладонях папиросу и глядел на холодный, перечеркнутый проводом закат.

Дороги и обочины

Проснулся Федор затемно. Как сам не сразу понял, от смутного тревожного рокота, слышанного сквозь сон. Рокот приближался, и напряженным слухом уже можно было разобрать голодный рык одного мотора и хрипловато вторящее ему урчание другого. Окно было прямо над головой, и, приподнявшись на локте, Федор выглянул. Погода переменялась. Фонарь на макушке деревянного столба расплылся синеватым подрагивающим пятном. Вместо вчерашней ледяной россыпи звезд и бездонно зиявшего неба теперь всюду густо клубился туман. Вдруг, прорезав его дальним светом, из-за поворота вырулил ширококрылый черный джип. За ним — держась той же колеи — следующий. Третий с разгона чуть занесло. Федор неотрывно глядел сквозь припотевшее стекло, губы его пошевелились и снова замерли.

Головная машина притормозила как раз напротив его будки. Три черных катафалка, не глуша моторов, выстроились в ряд. Задняя дверца первого открылась: показался острый носок ботинка, над крышей выплыло кольцо сигаретного дыма. Федор притаил дыхание, чтобы слышать любое слово, будь оно сказано. Но, слышен был только тот же тройной неумолимый рокот у самого его окна.

Струя дыма взвилась, затем окурок крутой дугой вылетел на обочину. Дверца хлопнула. Катафалки один за другим тронулись и скрылись в направлении районного центра. На всех трех были новые столичные номера.

— Незваные гости... — прошептал Федор. Он поднялся с матраса, прихватил с табуретки что-то,

завернутое в старую газету, и, поежившись, вышел из будки за дверь.

Огляделся. Прошел вдоль длинной стены заправки. Там за углом — накрытая сколотой шифериной конура.

— Ждешь? — окликнул он.

В ответ собачий хвост заколотил о края круглого лаза, выбивая восторженную дробь.

— Во-от... — Федор наклонился и развернул газету. В миску густым комком шлепнулась каша, а рядом на короткую оструганную доску посыпались кости.

— Сдуру голоса не давай, — наказал он и, послушав жадный хруст, не торопясь, пошел обратно. Луны не было, но из тумана, раз за разом, доносился одинокий волчий вой. В этом вое слышалась тоска, понятная любому, кто однажды отбивался от стаи.

Притворив дверь, Федор вновь улегся на матрас под пару ватников вместо одеяла. Прикрыл глаза, но толком уснуть никак не мог. На боку не лежало. На другом — тоже. Только на спине как будто удалось...

Проснуться на траве, услышать реку, вновь увидеть, узнать, подойти и обтрогать ту ничейную лодку-моторку, которую сам залатал, выскоблил ржавчину, осыпавшуюся зеленовато-бурыми пластинами, и для которой перебрал и поставил новый движок и приготовил надежно булькавшие канистры горячего. А еще добыл и нанес в три слоя краску, такую яркую, что ее было видно далеко с того берега. Приводил друзей, все ему верили, и каждый набивался плыть с ним. Но промчатся на своем судне к устью, рассекая волны и сминая камыши, до места, где две реки становятся одной, и вернуться нагруженным самой крупной отборной рыбой не успел.

Отец, с вечера укладывая в чемоданы парадную форму и штатское, среди гулких стен сообщил, что завтра подъем в 4.40. Пускай попросается здесь, с кем успеет. Отца ждали новое назначение, новый гарнизон, другой нетерпеливый край необъятной державы. А он тогда до ночи бегал и прощался. Все всё понимали, и никто не знал, что сказать. Когда вернулся, вспомнили про лодку. Продавать ее было поздно. Снять двигатель? Он был тяжелым. А ехать предстояло в безводную степь. Совсем не выход, короче...

Возле самых ворот у грузовика прокололась шина. «Мать вашу», — ругнулся отец и, скинув майорский китель, сам полез помогать. Федя не стал подходить к лодке, только долго-долго, запоминая, глядел на нее из-за ограды. С потолка на щеку капнуло. Далась тебе эта лодка...

Ощутил, что сидит на матрасе в знобком — аж зубы ломит — сумраке. Мысли, мысли, мысли. Откуда? К чему? Вспомнил о паре сапог в углу. Там, в правом... Потянулся, нашарил. Вот. Пахнуло кирзой и прокисшим потом. Вытряхнул на ладонь. На глубоком выдохе вскинул бутылку. Голое дно тускло блес-

нуло. Жгучие волны накатывали одна за другой и обманчивым жаром расходились по телу. Вроде отпустило. Федор отер горлышко, наново завинтил крышкой и опять спустил, как по водостоку, в тот же сапог.

Поглядел за окно. Там нехотя светало.

Глядя под ноги, Федор прошагал от будки до счетчиков, придерживая на плече ледоруб и лопату. В другой руке он нес ведро с песком. Из кармана ватника виднелась початая пачка соли. Широкий шумный скребок трогать не стал — сегодня так. Во рту навяз горьковатый привкус чайной заварки, которой запивал сухари. А еще непрошенные сумрачные мысли крепко втемяжились. Федор знал: отогнать их можно только работой. Потому и вышел спозаранок.

В стороны, ухая, полетели пласты лишнего снега. С каждым махом руки привычнее и крепче сжимали черенок лопаты. Разгонялась ожившая кровь. И хотя воздух был густым и набухшим, дышать становилось все легче.

Скрипнув боковой дверью, показался Славка. Со сна он потирал щеки, моргал и чуть покачивался.

— Здорово, Федич! — Славка один так обращался к Федору, и самому Славке это почему-то нравилось. — С добрым утречком. Уже на ногах, весь в работе? А?..

Славка прислушался. Со стороны Федора как будто донеслось ответное сопение, но могло и почудиться.

— Поди, и ночью не спалось? О девках, о молодых разблажился?

Разобравшись со снегом, Федор молча отставил лопату и поднял ведро с песком.

Федор вообще странный. Он мог жить в городе, в квартире с отоплением, с ванной и теплым «толчком», но числился разнорабочим при заправке и обитал тут уже четвертый год подряд. За это время здесь сменились и хозяйева, и вывеска. Внутри каморки с шатким креслом и радиоприемником через сутки чередовались операторы: с осени вот он, Славка, и два его сменщика.

— М-да... — Славка покачал головой. — Не разбазаришься с тобой.

Он поскреб двухдневную щетину.

— Слышь, Федич, я чего вышел-то. Ты ночью, часа в четыре, ничего такого не видел? Может, подъезжал кто, потом отъехал?.. — Федор без интереса пожал плечами. — Может, спер чего, а псина и не тьякнула? На хрена ее тогда держим?

Федор приподнял голову:

— Псину я кормлю. Она заправке в копейку не обходится.

— А за нее саму ту копейку дадут?

— А вот у нее у самой и спроси. На ухо.

Собаку звали Альмой. В свое время Федор ее подобрал, выкормил, и за хозяина она признавала его одного.

Славка, покосив глазом на конуру, на две здоровенные лапы и мохнатую голову на них, и, решив, что переспрашивать ни к чему, ускользнул обратно внутрь заправки.

Из-за поворота с протяжным гудком вывалился нескончаемо длинный, до кабины в грязи, дальнобойщик. Машины пошли чередом. Навстречу дальнобойщику, как обычно в это время, вынырнул рейсовый автобус. Притормозил, выпуская из задних дверей низколобого крепыша в куртке защитного цвета с туго набитой сумкой за спиной — сегодняшнего охранника. Водитель и Федор покивали друг другу. Вечером тот же автобус, надсадно тарахтя, покатит обратно. Последний раз по дороге в район притормозила юркая цыганская ГАЗель, забитая тюками с товаром для базара. Сами в коже, цыгане и везли все на вид кожаное: куртки, ремни, штаны, кепки. Гырготали по-своему, только матерились, как все. То не по ним... и это... И снова караван нескончаемых фур, жадных до бензина. Выходили размяться усталые, с красными глазами, через силу бодрящиеся дальнобойщики, выспрашивали, где забегаловка. Ближайшая — ниже, за следующим поворотом. Пока не сгорела от замыкания, была другая, прямо здесь. Теперь хозяин нес убытки, но отговаривался — не до того.

Снова появился Славка. Просеменил к туалету, когда вышел, понуро сообщил, что звонил его раздолбай-сменщик, который сегодня не выйдет — нашел тоже время болеть, — и, соответственно, ему, Славке, придется зависать тут еще сутки.

— Такие дела-а-а... — протянул он. — От своей дождусь, скажет: моряк, ты слишком долго плавал...

— К другой причалишь, — отозвался Федор. — В твои-то года.

— Ну, это да — не проблема, — ухмыльнулся Славка.

Потом, будто вспомнив о чем, нахмурился, потрогал ладонью живот:

— И что я съел такого? Крутит с ночи... Федич, ты про погоду-то слышал?.. Обширный антициклон. Как это — мороз и солнце!

Славка скрылся за металлической дверью.

Погасив фонарь, Федор долго глядел кругом, сворясь с лесом, дорогой, небом. Верхушки деревьев чуть покачивались под бледной бессолнечной хмарью. Дробно затукал о ствол дятел. Каркнула и тучными махами пролетела ворона. Туман понемногу отступал. Стала видна развилка, где дорога будто бы расходилась тремя путями, но проезжим был теперь только один. И тот смерзлся.

Сигнал клаксона. За ним второй — ближе, резче.

— Эй, старче! — Федор обернулся на незнакомый требующий голос. — Оглох, что ли? К городу как проехать?..

Голос доносился из-за припущенного стекла нового серебристого, без единой царапины внедорожника с «крутым» номером с тремя одинаковыми

цифрами. Из окна машины выглянула голова с короткой стрижкой. Широко расстегнутый ворот рубашки. Рука на руле. Нетерпеливый прищур не привыкшего ждать господина.

— К городу?

— Да. ...Сплавск-Замшелый там?

— Спасск. Залесский, — поправил Федор.

Повернувшись и шелестнув картой, господин кивнул:

— Так. Ну, на Залесский?

— Прямо. Пониже поворот с указателем. Там опять — напрямки. Как все добираются.

— Прямо я не тороплюсь. Объезд знаешь?

— Нет сейчас объезда, — сказал Федор.

— Как это? Должен быть.

Вгляделся в развилку и указал пальцем вправо:

— Эта куда?

— К старому городищу. С погостом.

Влево:

— А та?

— До речки.

— Речка же потом через город?

— Угу.

Что-то сообразив, господин откинулся на сиденье:

— А ты мне — объезда нет!

Послушно взревший джип готов был сорваться с места. Темное стекло уже напоздало на плечо, полосатый ворот, голову, но вдруг опустилось вновь.

— Знаешь меня?

Широкий лоб с ранней залысиной, сплюснутый нос, пристальные, чуть навывкате, глаза. Не припомнив, Федор помотал головой. Незнакомец как будто с досадой поджал губу. Вслух, однако, произнес:

— Ну, ладно... Давай тут!

На развилке джип свернул влево. Густой лес сомкнулся за ним.

Лед — повсюду. На площадке у колонок, на подъезде, отъезде и на всей дороге в обе стороны. На самих счетчиках и даже на пистолетах, отяжелевших и норовящих выскользнуть из руки. На лопате и приставшем дне ведра.

Лед — он ведь тоже разный. Нежданный, лупящий наискосок по листьям и травам пригоршнями прыгучих градин, — лед живой.

А этот — мутный, бугристо-серый, мертвый. На таком прокатывают лишние метры и сшибаются лоб в лоб. И слишком поздно истошно визжат тормоза. И кто-то зря ждет кого-то, кому уже не вернуться.

Есть пока еще не тянуло, но, поглядев на Альму, Федор вспомнил про обед. Составив инвентарь в привычном месте, он отправился в будку.

Альма ожидала за порогом. Перемешав напоследок, Федор снял закопченную кастрюлю с огня и опустил в зашипевший снег. Отложил в свою чашку несколько полных ложек. Остальное Альме. Ей же — кусок желтоватого сала.

Федор вдумчиво пережевывал кашу, усевшись на пороге. Собака управилась быстрее и ждала, ко-

гда хозяин, оставив чашку, подзовет: «Ну, поди...» И тогда, как умеет он один, проведет рукой до загривка, потреплет за ухом, повернет ладонями ее голову с прижмуренными замлевыми глазами. Потом Федор, вздохнув, поднимется: пора работать.

Но перед ним снова джип с тем же утроенным номером. Фара треснула. На капоте — вмятина. Вдоль бока — широкие борозды. Когда подъехал ближе, Федор заметил, что и запасного колеса уже нет. Стекло опустилось, тот же господин непонимающим взглядом уставился в заправку и Федора. Не веря глазам, дважды сморгнул. Заправка и сутулый дворник в коротком, явно не по нему, ватнике остались в силе.

— Опять? — сдавленным голосом спросил он непонятно у кого. Уж этого никак не должно было быть. По карте и по всем расчетам выходило правильно: строго на северо-запад, один поворот и снова.

Дорога всего одна.

На карте, конечно, не было ни занесенного снегом рва, ни больших коварных кочек. Не было и топырящегося с обочин несданного металлолома. И нужды тащиться хуже черепахи в густом ватном тумане, вглядываясь и ожидая всего сразу, тоже не было.

И всё ради того, чтобы оказаться здесь?

Он смотрел на прямую дорогу. По ней можно ехать всем.

Лишь одним движением уловленный в кармане бумажник привел его в чувство.

— Эй, как тебя?

Федор назвал.

— На вот, — вынул одну купюру: — столько хватит?

Федор повертел ее — узкую, плотную, с неизвестным ему портретом.

— А чего надо?

Господин опустил руку с часами — времени мало. Рискнуть все равно придется.

— Слушай сюда — это для тебя шанс. Сам видишь — я большой человек. Могу из грязи вынуть. Насовсем. Усекаешь? Сейчас мне нужна объездная дорога. До самого вашего Спасска. Ну и — дальше.

Федор не ответил.

— Помаячишь, что там такого впереди. А я не забуду. Ну?..

Федор насуплено молчал.

— Ладно. Я — Степан Берковатский.

С некоторых пор это имя во всей округе говорило больше, чем марка машины, название фирм и перечень занятых постов.

Федор ровным голосом произнес:

— Нет объезда.

— Ты что, своих краев не знаешь?

— Знаю. С того и говорю.

— Да о чем с тобой... Сам, всегда сам, — в голосе гостя заскрежетал металл.

Берковатский взглянул на окошко заправки, но там решил не переспрашивать.

— Баксы себе оставь. До кабака-то хоть дорожку найдешь?

Федор протянул бумажку обратно:

— Ни к чему мне. И карман худой — потеряю...

— Ну, как знаешь.

В этот раз на развилке джип свернул вправо.

Минуты через три подошел Славка. И вроде как между делом:

— Это кто был-то? Знакомый твой?

— Степан Берковатский.

Славка вроде ничего не жевал, но будто поперхнулся. Наконец, выдавил:

— Степа? Сам?

В нашей глуши, да без охраны? И без запаски почему-то... Хотя, в остальном, тачка реальная — кривой козе не чета. Нет, быть такого не может. А сказал — глазом не сморгнул. Ну и шутки бывают у Федора.

Вечерело, когда джип появился из-за поворота в третий раз. Машину заносило из стороны в сторону, казалось, за рулем — пьяный.

Прокатив мимо Федора, джип резко свернул за колонки, к кассе. Ее окошко прикрыто ставнем. Степан высунулся из машины:

— Эй, есть там кто?..

Еть... та... то... Эхо голоса смолкло где-то в лесу.

Не дождавшись ответа, Степан заколотил кулаком в захрустевшую и готовую рухнуть пластиковую переборку. Никто не откликнулся.

— Есть? — переспросил Степан глуше. — Кто-нибудь?

Никакого ответа.

Джип отъехал. Снова к Федору.

— Ка-кая встреча! Я уж и не надеялся... Ты в Швейцарии был? А хочешь?.. Х... там! Ковыряться будешь здесь. Это если позволят. Кто-нибудь из шакалов, которые мне пятки лизали и со стола объедками чавкали... А я еще в силе. И вернусь. И даже скоро. Вернусь сам и верну все к рукам. Весь бизнес, как он был...

— Ну, а где теперь твой бизнес?

Прерванный Берковатский замер, а потом слова, будто пар из вскипевшего котла, вырвались наружу:

— Ах ты, урод! Глас народа прорезался!

Выскочив, он с размаха хлопнул дверцей. Федор остался на месте, но, распрямившись, оказался рослее почти на голову и шире, чем мнилось до этого. Рука Берковатского, нырнувшая за спину под пиджак, выхватила пистолет. Красная точка прицела с пяти шагов отчетливо уперлась Федору в лоб.

— А теперь что скажешь?

Не отводя глаз, Федор сплюнул ему под ноги. Степан опустил взгляд на долетевший до остроносых туфель плевков и тут же резко обернулся.

Из-за машины прямо к нему прыжками приближалось нечто огромное и лохматое. Не целясь, а

будто отмахиваясь рукой с пистолетом, Степан выстрелил.

Но вместо скулящего визга донеслось шипение сжатого воздуха, вдруг отыскавшего лазейку.

Он нажал на спуск снова, но выстрела не было. В тот же миг тяжелое тело с лета навалилось и подмяло его.

Рухнувший на лед, с пуговицей рубашки, вжатой в подбородок, Степан попытался закрыться локтем, рукавом, хоть чем-нибудь от этих горящих глаз, от огневого дыхания собачьей пасти, от желтоватых клыков, которые должны и готовы сойтись на его горле. Зная, что на этот раз никуда не денется, Берковатский с судорожным хрипом рванулся еще раз. Но неотвратимое псиное дыхание было совсем близко, почти впившись, оно обжигало шею. Вдруг кто-то сильным рывком приподнял собаку за темный загривок. Откуда-то с неба донесся голос:

— Пусти. Шутит он.

Лапа напоследок пробороздила когтями по плечу, и Альма подчинилась.

Степа остался один, распластанный на льду с беспомощно задранный рукой и распахнутыми стылыми глазами. Когда он решился выдохнуть и огляделся, собака сидела в стороне. Ровным холостым ходом гудела машина.

Федор наклонился и вытащил что-то из сугроба.

Степан медленно опустил руку, оперся на локоть, привстал, ощущая набегающую волнами неумемную дрожь. Оскальзываясь, поднялся.

В руке у Федора — оброненный пистолет Берковатского. Федор сдул с него налипший снег, передернул затвор, нацелился. Степан заставил себя стать прямее, но дрожь не проходила. Красный муравей пробежал по его животу, по левой стороне груди и переносице.

Вышелкнув обойму и наклонив ствол к сугробу, Федор нажал на спуск. Донесся глухой одиночный хлопок. Затем неспешно, как хозяин положения, подошел и, перехватившись за ствол, протянул Степану:

— Твое?

Берковатский оторопело взялся за рукоятку, тут же едва не выронив оружие.

— Только больше им не махай. А то Альма вон не любит.

Собака глухо оскалилась, готовая, дай только повод, броситься снова.

— Так, значит... — едва слышно шевелил губами Степан. Он отошел к самой обочине, к ведру с остатками песка и, перевернув его, опустил на выпуклое дно.

Несколько раз кашлянул, отряхнул рукав. Из разрыва в темном плече пиджака теперь виднелась белая подкладка. Поднял взгляд — сейчас нужно было сказать такое, чего он не говорил давно. Ни разу с тех пор, как пробился. А слова все — не те.

— Так вышло... Случилось... что... Короче... — щелкнув, он передернул затвор пистолета. — В ж...е я, Федор. Полной и безвылазной.

Федор кивнул. Степан продолжил:

— Я никому не верил, потому что — нельзя, — шелк. — Пацану с глухой окраины иначе никак. Или ты, или тебя — это я быстро усвоил. Может, везло и только казалось, что сам выверял каждый шаг. Мог переть напролом. И обходные пути тоже находились, — шелк. — В том грязевороте я всплыл почти к самому верху. О врагах забыл. Почти что. Ну, одних-то уже просто нет, — шелк. — На других стало можно поплевывать с высокой башни. Я поймел эту жизнь. И все в ней, кроме... Даже не знаю, кроме чего. Но бывает же... Зачем и к чему?.. Я увлекся всерьез, с нутром и потрохами. То есть она увлекла. А потом сказала как-то невзначай: зачем, мол, тебе все эти деньги, если не можешь оторваться от них даже на неделю. Да и не в ней даже дело. Ее я все равно считал шлюхой. Как и многих баб — так проще. Но... засело это во мне: а слабо тебе, Степа? Когда все так тихо, спокойно и рыпнуться уже некому? И вот тогда я оторвался. На два месяца, а это много, — шелк. — Дела оставил парню, которому не то чтобы доверял, но не держал такого контроля, как надо. Он был мне обязан. Всем: начиная с того, что не истек кровью в подьезде с проломленной башкой и не мотал свои два срока, когда потом смог рассчитаться. Он всегда первый поднимал тосты. Смотрел, как на икону. Раз даже кинулся под пули вперед телохранителей, — шелк. — Короче, контору я ему оставил. А чуть позже он выпросил дополнительные полномочия. Очень-де срочно. И всё для дела, которое мы обмозговывали вместе. Я оформил и отослал доверенность. Когда вернулся, оказался почти никем. Вокруг ни одного человека, к кому можно спиной повернуться. Еле успел отправить свою, заказать себе билеты и свалить в другую сторону. В аэропорту ждали.

До этой твоей заправки все шло по плану, — он усмехнулся. — Я знал, что меня хотят перехватить. Прикинул — где. Сам в таких засидках сживал. Казалось, опять все просчитал. Н-но... В первый раз заплутал в тумане. Ну, уж на второй знал — прорвусь. Прорвусь, что бы там меня ни ждало. И машина шла, шла... Пока не осела в снег передом. Глубоко, по зеркалу почти. И перед самым бампером что-то... Было. Фары включил, увидел. Крест. Обычный, из деревянных брусков стесанный. Не потемнел даже, новый. Как будто только что под снег вкопали. Без надписи, без дат. И прямо как для меня: **ОСТАВАЙСЯ**. И тихо так кругом.

— А чего не остался?

— Страшно. Никогда так не было. Страшнее, чем под твоим псом. Дал задний ход и ехал, пока об дерево не стукнулся. Развернул тогда и назад по своему же следу.

Степан замолчал. Потом, качнув головой, сказал:

— А ты удиви-ил. Только вот — зачем?.. Я б тебя завалил и ночью не вспомнил бы.

— Не знаю, — отозвался Федор. — Не вышло по-другому.

Потом, сглотнув, продолжил:

— Дочка у меня в Спасске. Ей оставил всё. И зятю место. Чтoб суженый ее вернуться согласился — надо было, чтоб бати, такого как я, у них за стенкой не было. Тогда и решил. Собрал с утра манатки, нацарапал на клочке карандашом: «Ухожу, мол, не ищите. Счастья и всего». Теперь здесь — три года и полтора месяца...

Еще раньше у Фёдора был сын. Был. Надо же было непутевым таким ему оказаться. Пить-то не пил, а тут... Среди ночи вернулся, ключом в замок попасть не мог. В дверь тогда заколотил: отворяйте, мол, спите вы там, что ль?.. Сестру свою, Настену, перепугал. И Федору, отцу: слова не скажи, как жить — сам знает. Выставил его тогда Федор, подумал — дурь сойдет, вернется — поговорим. Поговорили... Сшибли его, под мостом, на переезде. Мужичонка — тот сам в лечебницу довез. Только поздно — сперва на «Урале» своем будто танком переехал. В крытом гробу хоронили. Та ночь будто камнем на них с дочерью повисла. Она после того по душам уже не заговаривала. Так: «здравствуй», «до свидания», «да», «нет», «не знаю». И вдруг приводит: «Замуж выхожу». Суетной зятек попался, проныра, а чтобы руками сделать что-нибудь — бестолковый. Расскандалились раз до того, что зятек в окно тогда высочил. Прямо со второго этажа в палисадник. Настена было следом по лестнице, но не тут-то... А податься ей больше некуда — она на восьмом месяце к отцу обратно. Только осунулась совсем, один живот выпирает. Не получалось больше вместе — тогда и решил. Отошел недалеко, всего на день ходу. А тут и поработать предложили.

— Три года... — повторил Федор.

— И что дочь? Не искала?

— Не-е. Проезжала раз в автобусе. В тело вернулась. Красавица, в мать... Только я угнулся еще ниже, чем всегда. Не признала.

Федор замолчал — мысли, те же, что утром. Куда от них?

Ведро под Степаном качнулось. Он обвел окрестность от поворота до развилки тоскливым взглядом:

— Ну, и как мне?.. Федор, как проехать куда-нибудь?

Федор посмотрел на простреленное колесо и с расстановкой ответил:

— Да никак не проедешь.

Вдруг какая-то спасительная идея пришла Степану на ум:

— Слушай!.. Дочь, говоришь, не признала?

Он пристально посмотрел на Федора. Свистнув Альму, Федор ушел.

Из кармана затрещонил мобильный. Не глядя, Степан нажал на отбой — трезвон прекратился. Но тут же раздался вновь.

— Алло?.. Да, все как говорил... Почти... Ты устроилась?.. Жди, не дергайся... И не думай... Там же, в

Цюрихе... И слушай... Я тебе хотел... — посмотрев на погасший экран, Степан покачал головой.

Поднялся, подошел к машине. Джим у него — что надо, только вот колесо спустило. Он швырнул мобильник на заднее сиденье. И телефон последней модели, но — батарейка села. Рядом же плюхнулся пистолет. И оружие самое надежное, всего-то раз за tvor заклинило.

Теперь — деньги. Карты разных банков из бардачка и четыре пачки наличными из-под переднего сиденья.

Одну из пачек Степан засунул поглубже в карман брюк. Снова уселся на ведерное днище.

Тем временем Федор вышел из будки с чем-то серым в пятнах, перекинутым через руку. Альме жестом велел остаться у порога. Подойдя к Степану, отдал ему вещи. Тот скинул пиджак, натянул залатанные штаны поверх своих брюк, запахнул ветхий ватник. Штаны были великоваты, ватник же в самую пору.

Переодевшись, Степан указал на пиджак с распоротым плечом, который остался лежать на обочине:

— Там вот тебе, Федор, чтобы... короче, без обид.

Подняв воротник и нахлобучив промасленную шапку пониже, он зашагал. Один раз уже издали обернулся и крикнул:

— Не забудь.

И, держась самого края шоссе, не глядя ни вперед, ни по сторонам, а только под ноги, скрылся в тумане.

Через несколько минут из-за фанерной двери туалета выглянул Славка.

Короткими перебежками он добрался до угла заправки, до колонок, до джипа.

Затем, озираясь, приблизился к Федору.

— Я это, видел всё...

Федор устало кивнул.

— А хорошо ты с ним, и эта, Альма твоя, тоже. Только, Федич, это все паленым пахнет. Как сам думаешь?

— Не принимался пока.

— Если узнают, — продолжал Славка, — кого мы видели, и что тут было, бошки враз оторвут. Работа что у тебя, что у меня не золотая — нечего тут высиживать. Сматывать пора удочки. Только вот... — он с сожалением обернулся на машину.

Подошел ближе, нагнулся под бампер, поцокал языком у разбитой фары и смятого крыла. Потом решился заглянуть в салон. Выглянув, потер руки:

— Ну, тачка! Слушай, Федич, ее загнать можно прямо сейчас. Я же в Спасске каждую собаку знаю, кто по этим делам. Ты — в доле. Только не болтай лишнего.

От заправки наискосок шел низколобий крепыш в куртке защитного цвета. Славка посмурнел:

— Еще один.

И громче, заботливо:

— Приснилось что?

Охранник подошел. Перемявшись с ноги на ногу, произнес:

— В окно стучали. И хлопок вроде был. Как выстрел. Я сначала внимания не придавал, а потом слышу — тихо слишком. И тебя-то тоже не слышно ни откуда. Может, тревогу подать?

— Отлучался я. По нужде. А тут вот машину оставили, присмотреть просили. Скоро заберут. И сказали: тебе лично передать... — Славка скрылся в салоне джипа и вынырнул оттуда с бутылкой бренди и с увесистым похрустывающим пакетом. Вгляделся в бутылочную этикетку:

— Из Ирландии.

Протянул бутылку и пакет:

— А про тревогу забудь. Штатная ситуация — здесь так бывает. Ставень... я сам склею. Уговор?

— Ну, если бывает... — с недоверчивым видом пробурчал охранник. Затем укрыв нежданные дары отворотом куртки, ретировался.

В руке Славки появился мобильный.

— Але!.. Это Вячеслав... Да, с заправки... Дело есть. Очень срочно... Навар? Как в сказке... Все бросай и сюда... Сейчас же. Жду.

Договорив, он пружинистыми шагами заспешил к себе.

Федор дождался, когда хлопнет дверь, и приподнял пиджак. Под ним одна на другой лежали три пачки денег. Посмотрел на них сверху, потом сбоку. Стольким сразу он не видел никогда. Пиджак вывалился из его руки. Сам Федор медленно осел на все то же перевернутое ведро.

Шевеля губами и прищулив глаз, он считал. Сбившись, встряхивал головой и пересчитывал снова.

В последний раз вышла его зарплата на сто шестнадцать лет вперед. Да еще доля, обещанная Славкой с машины: много он не даст, жаба придушит, но — тоже деньги.

Подумал про дочь: Настену, Настеньку. Помочь ей — о чем она теперь мечтает? Возможно, было многое, по здешним меркам почти все. Дорогой ремонт? Отдых на морях? Гардероб нарядов? Враз.

Даже зятька легко было представить. Как сразу округлятся его глазки, и как подобострастно зачистит он, что такому тестю, как Федор Николаевич, за всегда рад и раньше был очень рад, но одна беда — не так его понимали.

Неслышными шагами к хозяину подошла Альма. Ткнулась носом в бок. Федор улыбнулся:

— А ты? В город хочешь перебраться?

Неожиданно лизнув его горячим языком в щеку, Альма отскочила. Осмелев, подошла снова. Федор обхватил ее за мохнатую шею, прижал к себе, ухом к сердцу.

Погладил ладонью и, наклонившись, прошептал:

— Выручила... Значит — поживем.

А себе можно построить лодку. Точь-в-точь такую же, как та. Выделывающую петли на всех скоростях.